

Смотришь на старые пожелтевшие фотографии, и комок к горлу подступает: на этих фото запечатлены юные, красивые, которым впору блистать на сцене, делать научные открытия, растить детей, а их юности досталось страшное военное время. Для участницы Великой Отечественной Анастасии Степановны Письменной война осталась своего рода книгой памяти, которую она периодически листает всю свою жизнь — открывает то на одной, то на другой странице, вспоминает картинки и имена...

СПАСИТЕЛЬНИЦА

АСЯ И АЛЕКСЕЙ

Её многие звали и сейчас зовут Асей. Такое вот нежное имя тургеневской героини. Она излучает свет и любовь, в самом её голосе звучат доброта, неравнодушие, умение сострадать и любить.

Она с детства была окружена любовью. Родилась 3 мая 1923 года в нижегородском крае, в деревне Сонино, в семье мастера-стеклодува. Кроме Аси, четвёртой по счёту, у четы Медведевых (родителей Анастасии) было ещё пятеро детей — Александр, Василий, Алексей, Евгения, Виталий.

Самым любимым братом у Насти был Алексей. Они по-настоящему дружили. Он был старше на три года, трепетно-добрым, сильным и благородным её защитником. Смотрю на фото и вижу красивые, есенинские черты, умный, спокойный и как будто немного грустный взгляд. Именно Алексея из семьи Медведевых погубила война, именно его смерть безжалостно и бесстрастно внесла в свой чёрный жертвенный список. Он был командиром гвардейского батальона. Такие всегда были на передовой, на самых тяжёлых участках и всегда погибали первыми.

Имя Алексея Медведева даже в списке по алфавиту на могильной плите стоит первым (захоронен в Белгородской области)... А дальше — Мирошник, Мозгов, Мукулов, Мымрин...

— Мы всегда играли в лапу в одной команде, — вспоминает Анастасия Степановна. — Както вместе побежали ловить летящий сверху мяч и стукнулись головами так, что искры из глаз посыпались... Я как будто и сейчас ощущаю это столкновение...

О том, что брат погиб, Ася узнала на фронте... Её даже отпустили из операционной на время, дали выплакаться...

После войны Ася и сестра Женья были на могиле брата. Сначала там были плита, прикрученное стекло и вставляющиеся под стекло списки, обновляющиеся время от времени. Анастасия Степановна возмущалась: «Когда-

нибудь дождь смоев имена, и они потеряются, забудутся». Она писала самому белгородскому губернатору. Бумажные списки заменили на отлитые в металле буквы. «Это ещё одна ваша победа», — сказали потом женщине.

НЕЗАБУДКИ

С детства Настя мечтала быть врачом. Вот только с химией дружить никак не получалось, что

мама вывешивала постиранное бельё, отец сидел возле дома на скамейке... Мирная картинка вмиг нарушилась материнскими слезами («Лёшку непременно заберут, он же военный»)...

— А мне вдруг стало так пронзительно грустно, — вспоминает А.С. Письменная. — Мы с подружкой пошли на луг, и я нарвала большой букет незабудок, который стоял ещё после того, как

впоследствии помешало ей поступить в мединститут. Любимым школьным предметом у девочки была история, а любимым героем... Александр Невский. На вопрос «почему», гордо и твёрдо ответила: «Потому что он победитель!»

Неудивительно, что с таким характером восемнадцатилетняя девочка на шестой день войны, 27 июня, уже была в военкомате, чтобы уйти добровольцем на фронт.

Весть о начале войны застала её дома. Был обычный выходной,

я покинула родной дом. Когда я вернулась в 1946 году домой, отец спросил: «Скажи, ты ведь всё уже решила, когда пошла рвать эти цветы, да?»

НА ФРОНТЕ!

Она, конечно, никому ничего не сказала, что уезжает. Только брат Василий успел с ней попрощаться. Три десятка девочек ушли вместе с нею на фронт. И ни одна не передумала, когда им предложили хорошенько подумать и отказаться.

— Мы тогда были такие патриоты, — просто, естественно, без бравады и обиды говорит женщина. — Мы доверяли стране и правительству, для нас слово Родина не было пустым звуком, оно жило глубоко внутри.

То, что мы сейчас называем подвигом, для этих людей было священным долгом.

Мы сидели с Анастасией Степановной за столом, на котором были разложены военные фотографии... Вот парадные, где у девушек красивые причёски, а у ребят начищенные до блеска сапоги, вот даже весёлые моменты: три девочки с кусками колбасы в руках... Как же редко выпадало такое счастье — полакомиться вкусняшками...

Но всё больше снимков, смотря на которые, женщина говорит: «погиб», «умерла вскоре после войны»...

Сколько жизней Ася спасла, работая в медсанбате, не считала... Была такая напряжёнка, такой страшный конвейер, что по две недели не разувалась и спала часок-другой, чтобы хоть немножко восстановить силы. Девчонкам-медсёстрам, когда не хватало крови, иногда приходилось напрямую переливать свою раненым. Письменная вспоминает, как на глазах розовели бледные щёки солдат и как теряли сознание те, кто отдавал им свою кровь. Анастасия Степановна в общей сложности отдала на спасение жизней четыре литра своей крови.

— Фигурка у вас была — залубеешься, — говорю я, смотря на

одно из фото, где талия у Аси, прямо как у молодой Людмилы Гурченко.

— Да, тогда мы не толстели. Некогда было, — улыбается моя собеседница.

Много чего было некогда. Анастасия Степановна рассказала историю, как ей в числе безоружных нескольких человек пришлось выходить из окружения, как нарвались однажды на немецкого мотоциклиста. Спас-

ло то, что наши были на лошадей и принялись удирать прямо по паханому полю, а немец на своих колёсах не сунулся в погоню, только из автомата вслед стрелять начал. В девушку не попал, только развевающуюся плащпалатку продырявил. Асю вынесла рыжая лошадь. «До сих пор жалею, что мало её ласкала тогда», — сокрушается женщина.

Наша беседа как-то всё время сворачивала с ужасов войны на светлые эпизоды и детали, которые редкими светлыми островками разбросала память...

«ВЫ — МОЯ СПАСИТЕЛЬНИЦА»

Эти слова — «Вы — моя спасительница» — ей могли бы сказать десятки и сотни раненых, получивших своевременную медицинскую помощь в годы войны. Но один случай — особенный. Этого высокого симпатичного парня по имени Фёдор уже хотели положить к мёртвым: он был смертельно бледен, дыхание не ощущалось... Но Ася подошла к нему, взяла за безвольно висящую раненую руку и... почувствовала пульс. «Он — живой!» — крикнула девушка...

В 1981 году на одной из ветеранских встреч, проходивших на орловской земле (к этому времени А.С. Письменная жила с мужем-военным на Орловщине), к Анастасии Степановне подошёл высокий седой человек... «Вы — моя спасительница», — сказал он, тот самый Фёдор.

Фёдор Иванович Стребков прошёл войну, окончил институт, работал в хорошей должности на фабрике, выпускающей фотоаппараты «ФЭД».

Спасать приходилось Анастасии Степановне и в мирное время. Она работала специалистом функциональной диагностики в орловской 3-й поликлинике, делала кардиограммы, выезжала на дом, таскала на высокие этажи (лифты порой не работали) тяжёлый одиннадцаткилограммовый аппарат для снятия кардиограмм...

Однажды в поликлинику пришёл мужчина. Врач уже ушёл, Анастасия Степановна задержалась. Кто-то мог бы сказать: «Приём окончен. Приходите завтра» (и мы, согласитесь, частенько с этим сталкиваемся)... Но у Письменной мелькнула мысль: «Наши мужчины не привыкли жаловаться и к врачу приходят, когда уж совсем прихватит». Если бы этот человек ушёл, то «завтра» для него уже не настало бы...

Имя Анастасии Степановны Письменной занесено в Книгу почёта поликлиники № 3 г. Орла. Эта запись ей так же дорога, как боевые награды — медаль «За взятие Берлина», орден Красной Звезды...

Ангела САЗОНОВА.

На групповом снимке А.С. Письменная четвертая справа.